

*Светлой памяти моим родителям:
Морозову Михаилу Илларионовичу и
Морозовой (дев. Рубанниковой) Варваре Ивановне,
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительным событием для отечественных обществоведов в 1980-е гг. стало знакомство с антропологической проблематикой, открывшей собой новый этап наращивания и упорядочения системы исторического знания о российской цивилизации. В своё время процесс его формирования, активно развивавшийся благодаря научному творчеству Н. Я. Данилевского, В. О. Ключевского, Л. И. Мечникова и других русских мыслителей XIX в., после событий 1917 г. был продолжен евразийцами, Н. А. Бердяевым и П. А. Сорокиным, работавшими в условиях эмиграции.

К концу XX в. существенные изменения в мировом политико-экономическом пространстве, обусловленные глубоким кризисом бывшего СССР и распадом социалистического лагеря, привели к росту самосознания входивших в его состав народов, к пониманию существующей между группами стран (именуемых, согласно традиции немецкой науки¹, локальными цивилизациями), дистанции не только в экономико-технологическом плане, но и различий культурно-психологического свойства.

В исторических науках были преодолены идеологические барьеры и господство формационной теории. В обстановке теоретического плюрализма стали множиться идеи, методологические подходы, претендовавшие на объяснение специфики российской цивилизации и особенностей её институтов. В результате с конца 1980 по 2010 г. историографическую нишу указанной проблематики пополнили более сотни монографий, около 200 диссертационных исследований и тысячи статей,

¹ Ионов И. Н. Цивилизация: эволюция смыслового содержания понятия и его литературного контекста // Проблемы истории познания. Отв. ред. К. В. Хвостова. – М.: ИВИ РАН, 2002. – С. 53 - 61.

разнообразных по теоретической оснастке, драматургии и форме изложения.

В этой связи назрел анализ состояния концептуализации исторического знания о российской цивилизации. Актуальность исследования предопределена многочисленными и надо сказать не безуспешными примерами использования элементов цивилизационного подхода, в которых в синтезе с социокультурным подходом и формационной методологией в её различных стадияльных контекстах обществоведы стремились выразить психологическую обстановку и смыслы символического интерьера прошлых эпох, их влияние на свойства субъектов и качественную сторону процессов истории. Количество подобных работ существенно возросло во второй половине 1990-х гг. и в течение последующего десятилетия творческая активность авторов не снижалась.

Тем не менее вопрос о том, существует или нет теория локальной цивилизации для определённой группы специалистов во второй половине нулевых годов XXI в. оставался открытым, и это несмотря на широкое употребление в научном, политическом и на бытовом уровне соответствующей терминологии. По наблюдениям А. В. Гринёва и солидарного с ним И. В. Купряшкина, данная «теория отдаёт схоластикой и зачастую используется для того, чтобы «продать» старые идеи тех же евразийцев, славянофилов, религиозных философов, геополитиков в новой, «цивилизационной» упаковке. В целом же можно с сожалением констатировать, что «расцвет» теории цивилизаций свидетельствует о серьёзном кризисе отечественного обществоведения на современном этапе его развития»¹.

Необходимость тщательно разобраться в структуре и понять эвристические возможности такого сложного аналитического инструментария, каким видится цивилизационный подход, следует из общего понимания единства и многообразия

¹ Гринёв А. В. Развитие России и теория цивилизаций // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 11. – С. 110; Купряшкин И. В. Методологический тупик цивилизационного подхода // *Философия социальных коммуникаций*. – 2009. – № 9. – С. 111 - 115.

мирового исторического процесса и в нём – неоднородности человечества, при взгляде на которое, образно представленным Л. Б. Алаевым, «с высоты спутника и, рассматривая его историю в масштабе тысячелетий, мы можем зафиксировать поступательное движение по вполне определённым этапам. Спускаясь ниже, мы видим разнообразные движения отдельных культур и цивилизаций, вписывающиеся в общемировой процесс или же направляющиеся в обратном направлении. Спускаясь ещё ниже, мы видим траектории движения отдельных обществ, социумов – совершенно уникальные, никто не может повторить траекторию другого. Каждый социум, чтобы не исчезнуть, должен избрать некий свой путь приспособления к мировой ситуации: сочетать свою идентичность с вызовами других социумов и цивилизаций»¹. Уже непреложной истиной стала мысль о необходимости использования разнообразных исследовательских оптик в многоплановом познании российского исторического опыта, и в этой связи, как нам представляется, **формационный, модернизационный, цивилизационный, ментальный и другие аналитические ресурсы познания общества должны работать в диалогическом режиме, и эти методологически важные каркасы образуют теоретическую основу для приближения к корректной интерпретации феномена локальной цивилизации.** Об этом писал В. В. Согрин², один из первых обозначивший проблему необходимости не противопоставления их друг другу, но напротив, синкретичного использования, без чего невозможен путь к историческому синтезу, а стало быть, продолжая его мысль – и к построению теории локальной цивилизации.

¹ Алаев Л. Б. Мировой исторический процесс: единство в многообразии // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – С. 15 - 16.

² Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 124.

Основные положения авторских идей и концепций изучаются нами в фокусе неоклассической модели историографического исследования, представленной сочетанием философских, общенаучных, предметных принципов, междисциплинарных подходов, конкретно-исторических методов, позволяющих достичь поставленной цели и решить намеченные задачи (в условиях дискуссионности проблемы комплектации цивилизационного подхода) в режиме критики и синтеза семантически эквивалентных идей и концепций, знаменующих собой «антропологический поворот» в социально-гуманитарных науках. Именно в его контексте (подчеркнём – включающем в себя и актуализированное в 1980-е г. знание о локальной цивилизации) междисциплинарность, как заключили О. М. Медушевская и О. С. Поршнева, стала характерной чертой исторического познания в современную эпоху, которая «требует выхода на более высокий, метадисциплинарный уровень, т.е. на уровень теории познания, эпистемологии»¹.

Проблематика локальной, а в нашем случае российской цивилизации, включает ряд в настоящее время «трудных» тем, каждый раз напоминающих о себе историку, ставящему перед собой цель понять атмосферу изучаемого периода, интересующемуся настроениями масс, которые далеко не всегда представляли собой следствие материальных причин. Впрочем, сущность последних не выводится из самой себя, но в истоках обнаруживает психологическую субстанцию. Или, как точнее выразился Ю. П. Малинин, «психология... сопричастна всем формам жизни и их эволюции. Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в

¹ Медушевская О. М. Профессионализм гуманитарного образования в условиях междисциплинарности // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / Ред. С. П. Карпов. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 351; Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 39.

наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации»¹ (выделено нами. – Н. М.).

В отечественной историографии одной из таких тем являлся этнический менталитет, изучение его проявлений во всех сферах жизнедеятельности, и это при отсутствии дефиниции ключевого понятия в виде образно-логической формулы, удобной для усвоения нашему современнику с традиционным ценностно-рациональным мышлением. Накопился определённый объём аналитики, презентующей менталитеты и ментальности в феноменологическом плане, которая требует систематизации в части теоретической обоснованности авторских суждений и включения корректно выражающих реальность в общую конфигурацию идей и теорий среднего уровня, организующих историческое познание специфики российской цивилизации.

В последние два десятилетия с ростом цивилизационного самосознания общество предъявляет заказ на более чёткие смысловые контуры в научном описании и обосновании своей специфики и связанных с ней перспектив отвечать вызовам современности. Наличествующая полисемантическая ключевой терминологии затрудняет диалог между различными социальными группами, озадаченными поиском собственной идентичности. Традиционная для историографической части работ типология дефиниций и краткий комментарий к ним уже не может удовлетворить специалиста, ориентирующегося на недвусмысленные формулировки, предпочитающего взамен расплывчатых контуров чётко выверенные концептуальные позиции как важное слагаемое научного творчества. Поэтому следует сопоставить сложившиеся семантические поля, что в свою очередь актуализирует поиск новых инструментов для анализа понятийного аппарата, для выделения смысловых фигур, оптимальных по соотношению между уровнем обобщения и содержанием.

¹ Малинин Ю. П. Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV–XV века. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – С. 4 - 5.

В рассматриваемый период в гуманитарных науках под влиянием антропологического, лингвистического и других «поворотов», а также в преодолении постмодернистского «вызова», существенно обогатилась теоретическая база и аналитический инструментарий. В работах Л. Б. Алаева, В. В. Алексеева, М. А. Барга, Ф. Н. Блюхера, А. Я. Гуревича, О. Г. Дуки, Г. И. Зверевой, И. Н. Ионова, А. А. Искендерова, И. Д. Ковальченко, В. А. Лекторского, Е. А. Мамчур, О. М. Медушевской, Л. А. Микешинной, Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Ю. С. Пивоварова, А. В. Полетаева, Ю. А. Полякова, О. С. Поршневой, Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, Н. С. Розова, И. М. Савельевой, В. В. Согрина, В. С. Стёпина, А. И. Филюшкина, К. В. Хвостовой, Л. Р. Хут, З. А. Чеканцевой и многих других исследователей критический анализ сложившейся историографической ситуации в области гуманитарных наук сочетался с поиском новых методов изучения сверхсложной системы «человек». Весомым результатом явилась разработка методологии полидисциплинарного синтеза (И. Ю. Николаева)¹ в рамках интердисциплинарной истории (Л. П. Репина)². Тем самым перед научным сообществом открывались новые возможности в изучении внутренних механизмов жизнедеятельности локальных цивилизаций.

Одновременно отечественные историки: Е. В. Алексеева, А. Н. Боханов, М. М. Громыко, И. Н. Данилевский, В. П. Данилов, В. В. Колесов, П. В. Лукин, Л. В. Милов, Б. Н. Миронов, Н. В. Синицина, О. А. Сухова, И. Ф. Худушина, А. Л. Юрганов и многие другие, опираясь на верифицируемые знания об этапах российской истории и динамике развития социальных институтов, открывали возможности антропологического ракурса в понимании и объяснении механизмов их функционирования.

В работах А. С. Ахиезера, С. А. Бабушкина, В. Э. Багдасаряна, А. О. Бороноева, К. К. Васильевой, В. П. Визгина,

¹ Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 45 - 98.

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – С. 44.

А. А. Вилкова, Ю. А. Вьюнова, О. В. Гаман-Голутвиной, А. А. Горского, Л. Н. Гумилёва, Б. С. Ерасова, И. Н. Ионова, Б. И. Каверина, С. И. Каспэ, В. Ж. Келле, Я. А. Кеслера, Ю. Ф. Кожурина, Н. Г. Козина, И. В. Кондакова, Л. Г. Королёвой, С. Э. Крапивенского, Б. Н. Кузык, Э. С. Кульпина, В. А. Лубского, С. В. Лурье, Л. М. Марцевой, Н. Н. Моисеева, М. П. Мчедлова, М. М. Мчедловой, В. М. Найдыша, Л. И. Новиковой, Ю. В. Олейникова, И. Б. Орлова, И. Б. Орловой, А. С. Панарина, А. А. Пелипенко, И. А. Петровой, О. А. Платонова, О. В. Плебанек, Д. В. Полежаева, Ю. В. Попкова, О. С. Поршневой, Е. Б. Рашковского, Л. И. Семенниковой, О. А. Сергеевой, И. В. Следзевского, Н. В. Старостенкова, В. К. Трофимова, А. Я. Флиера, А. Г. Фонотова, К. В. Хвостовой, В. Л. Цымбурского, В. Ф. Шаповалова, Я. Г. Шемякина, Л. И. Шерстовой, Г. Ф. Шиловой, И. Г. Яковенко, Ю. В. Яковца, Ю. Л. Ярецкого и многих других авторов ставились задачи прикладного характера, как комплексного, так и сегментарного исследования цивилизационной и полиментальной специфики России.

Анализу аналитического ресурса указанной ниши знаний были посвящены отдельные, написанные с глубоким знанием вопроса, статьи Б. С. Ерасова, И. Н. Ионова и И. В. Следзевского. Впрочем, формат статьи всегда накладывает ограничения на объём текста и возможность привлечь большой массив аналитики, требующей систематизации, переработанной в широкие обобщения. Таким образом, наличие богатейшего материала по истории отдельных институтов российской цивилизации и его в теоретическом плане фрагментарно изученная организация предопределили в качестве предмета нашего исследования концептуализацию исторического знания о российской цивилизации в отечественной историографии в период второй половины 1980-х гг. – 2010 г.

Она представляет собой многоуровневую организацию мыслительной деятельности, направленную на создание с помощью исследовательских процедур абстрактных конструкций

в виде смыслов слов, превращая их в ключевые понятия; обеспечение связности исторической фактологии, категорий и идей в предметном, междисциплинарном и проблемном полях; формирование системного представления о российской цивилизации, обеспечивая тем самым теоретическое понимание её целостности¹, свойств, состояний и связей с другими объектами истории.

Вводимые ограничения в отношении чрезвычайно объёмного историографического поля обусловлены двумя причинами. Во-первых, уже имеются достаточно свежие и добротные работы с анализом развития идей о цивилизации, высказанных зарубежными и русскими мыслителями². Во-вторых, историческое знание о российской цивилизации приумножалось выводами многих социально-гуманитарных и естественных наук, составивших референтную группу³ с солидарным отношением к истории, которая, по мнению Л. П. Репиной, в их контексте выступает типом когнитивной исследовательской деятельности, меняющим классическую конфигурацию ранее обособленных дисциплинарных территорий⁴. Аналогичный путь в творческую

¹ Целостность, согласно Ю. П. Сурмину, это свойство однокачественности системы как целого, которую выражают элементы в их реальном взаимодействии (Сурмин, Ю. П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. – Киев: МАУП, 2003. – С. 361).

² См.: Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – М.: Наука, 2007. – 499 с.; Ионов И. Н., Хачатурян М. В. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – СПб.: Алетейя, 2002. – 383 с.; Емельянов-Лукьянчиков М. А. Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. А. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. – М.: Рус. миръ, 2008. – 694 с.; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 31 - 49, 92 - 144;. Вып. II: Становление «новой исторической науки». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 6 - 110; Свистунов М. Н. Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений и перспективы развития: дис. ... д-ра. филос. наук. – М., 2005. – С. 37 – 70 и другие.

³ В данном контексте понятие референтной группы означает совокупность социально-гуманитарных и естественных наук, своими идеями, концепциями и выводами внёсших вклад в развитие теоретической составляющей исторического знания о российской цивилизации.

⁴ Репина Л. П. Указ. соч. – С. 390 – 391.

лабораторию историков в своё время проделали все без исключения общеизвестные теории (формаций, модернизации и другие). Таким образом, в части разработки цивилизационных знаний они не обладали монополией, но располагали методологическими возможностями адаптировать выводы других наук.

В-третьих, как нам представляется, в трудах отечественных интеллектуалов, несмотря на примеры, как успешного заимствования, так и имитации зарубежной аналитики, разработанной для понимания иной социокультурной среды, в большей степени выражены система мышления и знаковые символы, установки и традиции, связи и отношения, характерные для представителей российской цивилизации. Данный фактор, и мы в этом убеждены, даёт надежду на получение менее искажённого обобщающего представления о цивилизационной специфике российского общества.

Исследование относится к области проблемной историографии и методологии истории, поэтому научный инструментарий комплектовался принципами и методами, усвоенными благодаря работам Е. Б. Заболотного, А. И. Зевелева, В. Д. Камынина, В. П. Корзун, Б. Г. Могильницкого, М. В. Нечкиной, И. Ю. Николаевой, О. С. Поршневой, В. С. Прядеина, А. Т. Тертышного, М. Н. Чистанова и других представителей отечественной исторической науки. Был изучен большой корпус источников, насчитывающий около 2-х тысяч монографий, диссертационных работ и статей, классифицированных по типам историографических источников и рассматриваемой проблематике. В сносках упоминается около 900 работ, принадлежащих перу более 600 специалистов различных областей гуманитарных и естественно-научных знаний.

Исследованием охвачены четыре крупные проблемы, разделённые по соответствующим главам, состояние концептуализации которых характеризует общий уровень их осмысления в рассматриваемый период. Первая глава посвящена анализу и переосмыслению с помощью конкретно-исторических методов

семантических полей ключевых понятий «локальная цивилизация», «цивилизационный подход» и «теория локальной цивилизации».

Во второй главе впервые сформулирована проблема пространства и времени российской цивилизации, поиск принципов цивилизационного подхода, которые изучаются в контексте эпистемологических оснований, на которых выстраивалась данная ниша знаний.

Третья глава посвящена анализу проблематики менталитета. Изложен авторский взгляд на порядок формирования менталитета русских – титульного этноса, являющегося системообразующим в полиментальном и поликонфессиональном пространстве российской цивилизации. Рассмотрены версии структуры менталитета и ментальности как метода историко-психологической реконструкции её (цивилизации) свойств.

В четвёртой главе на примере историографических источников проведена экспертиза семантических полей понятий «мобилизационный тип развития» и «державность» на эквивалентность авторским представлениям об одноимённых архетипических образах соответственно развития общества и государственной власти, характеризующих российскую цивилизацию. Впрочем, они не исчерпывают проблемы её специфики, но эти параметры были избраны как наиболее доступные для осуществления указанного подхода.

Автор лишь по мере необходимости вторгнулся в область схолярной историографии, полагая, что изучение творческих процессов внутри научных школ и в отношении конкретных исследователей, приумножавших историческое знание о российской цивилизации, является темой отдельной работы.

Предпринятое исследование не могло состояться без опоры на традиции исторического познания, накопленные многими поколениями отечественных обществоведов. Большим подспорьем в период работы над рукописью стали ценные советы и наставления нашего научного консультанта И. Ю. Николаевой, д.и.н., профессора Томского государственного педагогического

университета, а также рекомендации, с благодарностью полученные: от рецензентов, миссию которых выполнили: Б. Г. Могильницкий, д.и.н., профессор Томского государственного университета; О. И. Ивонина, д.и.н., профессор Новосибирского государственного педагогического университета, М. В. Казьмина, д.и.н., профессор Кемеровского государственного университета. Автор выражает глубокую признательность В. А. Волчеку, д.и.н., профессору, главному научному сотруднику Института экологии человека СО РАН за неоценимую поддержку на завершающей стадии работы над рукописью.
